

ЭСТЕТИКА СПОРТА

О выставке в Новой Третьяковке

НАЗВАНИЕ ГРАНДИОЗНОЙ ВЫСТАВКИ, открывшей сезон в Новой Третьяковке, звучит некорректно — "Сто лет московскому спорту". Что это значит? Неужели до 1923 года в Москве и, если брать шире, во всей России, не имелось физкультуры? Наша страна участвовала в Олимпиадах 1900-х–1910-х годов, да и первые медали получила ещё до революции.

Что касается Москвы, то гремела слава клуба ОЛПС — общества любителей лыжного спорта, хотя там занимались не одни только лыжники, но и боксёры, тяжелоатлеты и футболисты. Легендарный спартаковец Андрей Старостин рассказывал, как он, будучи мальчишкой, впервые увидел игру футболистов из ОЛПС в Сокольниках, и это его до крайности заворожило: "Передо мной открылась сказочная панорама. Огромный зелёный ковёр, расчленённый белыми линиями, футболисты в синих рубашках и белых трусах, все в бутсах! Четыре флага по углам поля, ворота с массивными четырёхугольными штангами, окрашенными в белый цвет, с железными сетками, издающими какой-то особый музыкально-звнящий звук, когда в них попадает мяч".

Что же произошло сто лет назад? 27 июня 1923 года постановлением Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета были образованы высший и местные Советы физической культуры трудящихся РСФСР. Однако за неудачно сформулированным слоганом-заголовком таится великопеленное содержание, а эту выставку можно с уверенностью назвать главным культурным событием осени.

Мы погружаемся в эпохи, веки и миры, следуя от картины к картине. Итак, 1920-е годы. Восхваление человека-машины, чёткой механистичности, чистой физиологии, где люди — винтики высокоточной системы. В этом уподоблении механизму не было ничего унижительного. Спорт воспринимался как оттачивание деталей для лучшего функционирования.

Юрий Пименов, будучи и сам неплохим игроком, выдаёт свой "футбол". Свежая, чуть холодноватая синева пространства, динамика, грубоватая телесность.

Тогда же сформировался тип внешности, связанный с физическим совершенством, но не природно данным, а сотворённым в ходе тренировок. "Есть тип мужской наружности, который выработался как бы в результате того, что в мире развивались техника, авиация, спорт. Светлые глаза, светлые волосы, худощавое лицо, треугольный торс, мускулистая грудь — вот тип мужской красоты", — так описывал идеального героя Юрий Олеша, и на выставке можно увидеть целый ряд подобных изображений.

Восхитительна галерея спортивных образов Александра Дейнеки 1920-х–1960-х годов, передающая не только эволюцию вкусов самого мастера, но и общественные трансформации. Художник признавался: "Я люблю спорт. Я могу любоваться часами на бегунов, пятиборцев, пловцов, лыжников. Мне всегда казалось, что спорт облагораживает человека, как всё красивое". Он был завсегдатаем стадионов, беговых дорожек и секций, а с Георгием Нисским — ещё одним силаном-интеллектуалом — Дейнека участвовал в боксёрских спаррингах.

Вот лёгкий да ловкий "Вратарь", что явлен за множеством до кульминации, когда под рёв толпы мяч будет наконец-то взят. Горизонтальная линия и движение — тут неожиданний ракурс, напоминающий фотографии Александра Родченко, также поклонника спорта.

Возможна ли беседа о спортивной эстетике без упоминания о мощных девушках Александра Самохвалова? Применительно, что красивой мужчина тем лет обладал стройностью, иногда граничащей с гипертрофией худобы. Другое дело — женские стати. Безупречны широкое плечо и круглобедные феминины с округлыми коленями и крупными кистями рук. Среди экспонатов — "Физкультурница с букетом" Самохвалова, этот гимн плодородию и фертильности. Мифологическая мать-земля.

В 1930-Х ГОДАХ на смену футуромечте и культу машин приходит эра Вечности, а любое движение очерчивается застыльшим, как в деревне пантеоне. Тому пример — "Девушка с вёслом" Ивана Шадра, уменьшенную копию которой мы видим в экспозиционном зале. Юная богиня страны Советов — пролетарский привет Фидию и Праксителию! Спорт

в 1930-х облагородился темой духовного совершенства. Знак ГТО — не бездумная мускулатура, но высокая мораль.

Роскошен "Крест красноармейцев. Эскиз росписи плафона для здания Центрального театра Красной Армии" Александра Дейнеки. Если не приглядываться к сюжету, нам покажется, что это плафон во дворце стили рококо. Нежно-голубое небо с вкраплениями облачков, бело-розовая гамма, силуэты античных колонн. Представляется, что это какой-нибудь "Триумф Венеры", сотворённый для маркизы де Помпадур. Но нет — налитые бегуны, толпа, самолёты.

Предгрозовые тридцатые — это шёлк парашютов. Каждый пацан, будь он хулиган или же крупный отличник, бежал в парк имени Горького — прыгнуть с вышки, чтобы кипенная белизна парашюта раскрылась чарующим цветком, а потом записаться в клуб и сигать уже с аэроплана. Картина Виктора Прошкина "Парашютисты" являет нам сам прыжок. От картины веет знобкой жутью — впереди испытание, и мужчины готовятся не к обороне. Спорт 1930-х — это, как в той футбольной песне: "Будь готов / Когда настанет час бить врагов / Со всех границ ты их отбивай / Левый край, правый край, не зевай!"

Послевоенный спорт — возвышенный триумф. Фанфары торжества и барочный писк типажей. Это уже демонстрация силы, одержавшей победу. Радость после колоссального напряжения. Концепция Вечности, начавшая своё развитие до войны, в позднесталинскую эру достигла своей пиковой точки. "Эстафета по кольцу Б" Александра Дейнеки — это, с одной стороны, грубый гимн солнечному дню, а с другой — любовное эстетическое тел, словно бы совершающих ритуальное действо у подножия Олимпа.

"Водный праздник" Георгия Нисского — спокойствие мирного неба. Эта вещь нетипична для мастера — он певец холодных пространств, беспоконных ветров и низкого горизонта. Тут — безмятежная синь в кружеве облаков, и ни малейшей тревожности. Всё было, есть и будет!

В начале 1950-х советские спортсмены дебютировали на летней Олимпиаде в Хельсинки. Сейчас мало кто помнит, что СССР долгие годы не участвовал в Олимпийском движении. С этого началась борьба за медали. Это повышало престиж Красной империи, но секции постепенно превращались в "клубы избранных", где происходил строжайший отбор лучших. Немаповажная деталь: если в 1920-х–1940-х годах спорт был одной из ведущих тем в искусстве, то с середины 1950-х он оказался на периферии творческих процессов. Нет, не забыли, о чём повествует экспозиция, но так ярко, живо и яростно его более не изображали.

ОТТЕПЕЛЬ. СИНОНИМОМ ВРЕМЕНИ стала дорога. Вот картина Петра Оссовского "Велосипедисты". Резкие мази, жёсткость линий, подражание тамошнему Полю Сезанну и тушешному "Бубновому валету". Вместе с тем вернулась динамика — на этом полотне всё движется, и даже остановившийся велосипедист пойман в момент разворота головы. Неунывающий Александр Дейнека, уж не будучи юным, продолжал воспевать упругих дев. Представлены его "Баскетболистки" — эскиз для витража и сам витраж. Тут всё, как прежде, — сила рук и мощь бёдер. Поздняя Оттепель и 1960-е — эра интеллектуализма, и "Гимнасты" с полотна Дмитрия Жилинского выглядят как философы, погружённые в думы. Алый фой и белые одежды.

Середина 1960-х–1970-е — время гимнастики. Воздушно-трепетный тип гармонии. Тонкие-звонкие девы в трико, исполняющие пируэты, — не это ли посланницы грядущего? "Физическая красота девушки сливалась с её душевной сущностью, растворялась в ней, странным образом теряя свой вызывающий оттенок. Плавные и в то же время быстрые движения Сими, её гордая осанка и открытый внимательный и весёлый взгляд — казалось, девушка эта являлась из будущего", — неслучайно Иван Ефремов избрал героиней своего романа "Лезвие бритвы" гимнастку.

Кроме гимнасток, на международных соревнованиях блистали наши хоккеисты. Перед нами коллективный портрет "Вратари советского хоккея — Н. Пучков, В. Третьяк и В. Коноваленко", написанный Валентином Людвиком. Тут нет глубокой, прочувственной живописи — это репрезентативная картина, похожая на фотографию из "Огонька".

Современно выглядит "Аркадия" Сергея Шерстока, созданная в середине 1980-х — мужчина с плеером, на велосипеде неспешно рассекает южные просторы. Вдалеке море и Крым — наш. Ирреальный копирит и стилистика поп-арта. В 1980-х годах велись разговоры о здоровом образе жизни как об основе личного процветания и карьерного роста. Физическая культура перешла из общественно-коллективной плоскости в персональную. Это не хорошо и не плохо, но лишь один из аспектов бытия в атомизированном социуме. Поэтому плеев в уши и — ганка в одиночестве.

Экспозиция общирна. Оформление залов — изысканно-лаконичное, в красно-белой гамме, что навеивает мысли о русском авангарде 1910-х — 1920-х. "Почему людям искусства так близок спорт? — задавался вопросом поэт Константин Ваншенкин и тут же отвечал на него — Потому что спорт физик самому искусству".

Галина ИВАНКИНА

Иллпострация: «Эстафета по кольцу Б», художник А.А. Дейнека. 1947 г.

Печатается в сокращении, полный текст — на сайте zavtra.ru

ВДОХНОВЛЁННЫЙ СИБИРЬЮ

К 150-летию Вячеслава Шишкова

СИБИРСКИЕ пространства-просторы, от Урала до Тихого океана, несомненно, предполагают создание эпоса, являющегося естественным его естественным. С XVI века — русского эпоса. Не только эпоса исторического, в соответствии со знаменитым прозрением Ломоносова: "Путь и надежда чужим пресекается, российское могущество прирастает будет Сибирью и Северным океаном...", но и эпоса литературного.

Автора романа "Угрюм-река" Вячеслава Яковлевича Шишкова, чей популярнейший юбилей (и 90-летие самого романа) мы в этом году отмечаем, с полным правом можно считать первопроходцем на пути сибирского литературного эпоса, уходящего корнями к народным песням-былинам о Ермаке Тимофеевиче и к первым сибирским летописям XVII века, к строкам Ломоносова ("Колумб российский между льдами..."), рыбеевской "Тесне о Ермаке" ("Ревела буря, дождь шумел...") и знаменитым стихам Пушкина ("Во глубине сибирских руд..."). Шишков был первопроходцем, поскольку его предшественники, в том числе Дмитрий Нарискович Мамин-Сибиряк (1852–1912) в своём творчестве опирались всё же не на собственно сибирские реалии.

Уроженец же города Бежецк Тверской губернии Шишков, получивший инженерное образование, более двадцати лет, с 1892-го по август 1915 года, провёл в Сибири — и не просто провёл, а в качестве топографа и гидрографа участвовал в ежегодных экспедициях по рекам Ангара, Били, Енисею, Иртышу, Катунь, Лене, Нижней Тунгуске, Оби и Чулым, а также по трассе Чуйского тракта и по другим направлениям работы Томского округа путей сообщения, где с 1896 года служил техником. И это была высокопрофессиональная работа: "Сделанное Вячеславом Яковлевичем в 1909–1910 годах описание реки Бия от города Бийска до Телецкого озера до сих пор — самый подробный план реки, с нанесёнными фарватером, скоростью течения, глубинами на различных удалениях от берега. Перечислены пороги, бомы, протоки, перевозы, указаны даже отдельные камни, мешающие судоходству. Восхищает и качество чертёжных работ — чистота и свежесть красок, богатство оттенков, ведь в оформлении плана из 92 листов калки Вячеслав Яковлевич использовал шесть цветов туши", — отмечают уже наши современники. Разумеется, в эти экспедиции перед глазами писателя, по его собственному свидетельству, "прошли многие сотни людей, прошли неторопливо, не в случайных, мимолётных встречах, а в условиях, когда можно читать душу постороннего, как книгу. Каторжники, сахалинцы, бродяги, варнаки, политическая и уголовная сыска, кержаки, околцы, инородцы", каждый со своим словом и со своей правдой, что порой похуже всякой лжи...

В ЭТУ ЭПОХУ СИБИРЬ из традиционного места каторги и ссылки, а также истоничка пушнина, золота и другого ценного сырья превращалась, говоря современным языком, в "зону опережающего развития" Российской империи, что выразилось не только в строительстве Транссибирской магистрали (1891–1916) и массовой миграции на "вольные земли" (только в ходе столыпинской аграрной реформы 1906–1910 гг. в Сибирь и на Дальний Вос-

ток отправилось около 3 млн переселенцев, а в целом за период 1897–1917 гг. количество жителей за Уралом более чем удвоилось; например, город Новониколаевск, нынешний Новосибирск, вырос с 8 до 107 тысяч человек, то есть более чем в 13 раз), но и в открытии высших учебных заведений, школ, училищ, больниц, типографий, музеев, библиотек, театров и прочих составляющих современной цивилизации.

Тем не менее способы, темпы и итоги такого развития со стороны прогрессивной сибирской интеллигенции: как "старожильной", с "декабристской" и ещё кержацкой, староверческой завкаской, так и новоприбывшей за Урал после реформ 1861 года, — подвергались критике. Критике, которая так или иначе брала за образец "своёбодный" капитализм американского типа, призвала как можно шире открыть двери для иностранных инвестиций и демократических общественных порядков, поскольку в условиях царской России "через двести с лишним лет (После похода Ермака. — Г.С.) мы видим в стране (Сибири. — Г.С.) малочисленное население, разбросанное на громадном пространстве, только что удовлетворяющее своим первым потребностям, довольствуясь мелкой промышленностью. Мы видим бедные городки, разорённые возмутительными насилиями и грабежами наезжих воевод и злоупотребляющих властью губернаторов... Страна от земледельческой едва переходит к заводской промышленности. Минералогические богатства Сибири лежат большей частью неразработанными. Умственный уровень Сибири на низшей степени; образованием сибиряки принуждены пользоваться, уезжая далеко-далеко от места своей родины". Это отрывок из статьи "Сибирь перед судом русской литературы" одного из первых идеологов сибирского "областничества" Николая Михайловича Ядринцева, опубликованной в № 9 неофициальной части "Томских губернских ведомостей" за 1865 год. К концу XIX — началу XX века подобные настроения за Уралом только укрепились и разрослись, а после краха Российской империи, казалось бы, даже получили шанс на реализацию, но в ходе Гражданской войны откололся Сибирь и Дальний Восток от России в интересах и не для других только, а со всеми и для всех" — отрицающая принцип "жизни для себя", в том числе на примере возвышения и краха династии Громовых, но явно связанная с евангельской (и библейской) заповедью "Возлюби ближнего как самого себя".

"Западные" принципы отношений между людьми, а также между человеком и природой (которая выступает по-настоящему, а нередко чуть ли не главным действующим лицом шишковской прозы и всего "сибирского эпоса" — в связи с этим можно при-

вести в качестве примера и "Вечный зов" Анатолия Иванова, и "Прощание с Матёрой" Валентина Распутина, и "Царь-рыбу" Виктора Астафьева, и множество других произведений) здесь попросту "не работают" (кстати, в образе американца мистера Кука, коверкающего русские пословицы, автором "Угрюм-реки" как будто угадан и предсказан президент США Рональд Рейган). Желание единолично стать хозяином Угрюм-реки и всей жизни на ней приводит Прохора Громова к гибели — и нравственной, и физической.

Так что победившие в гражданской войне большевики вполне обоснованно с 1920-х годов зачисляли Шишкова в свои "попучки", и писателю действительно было с ними по пути — не с громовыми же, ослеплёнными и заживо убившими себя стремлением к богатству и власти, вместе идти? Но это, конечно, не означало личного ослепления писателя грядущим коммунистическим раем на земле для всех, тем более что "правда и святость поравняют людей не могут, грех всех равняет". Да, "в жизни всё надо преодолеть, а прежде всего — себя", но как это сделать? Ведь "нет такого человека, который бы знал себя до дна". Своё призвание и свою цель Шишков видел иначе: "Эта вещь (Роман "Угрюм-река". — Г.С.) по насыщенности жизнью, по страданиям, изображённым в ней, самая главная в моей жизни, именно то, для чего я, может быть, и родился".

Но, конечно же, родиться было мало: и юношеская встреча с Иоанном Кронштадтским, и множество других встреч, жизненный опыт и тяга к литературному творчеству — всё здесь сошлось, сплелось воедино. Первое крупное произведение писателя, повесть "Таёга", над которой Вячеслав Яковлевич работал в 1913–1915 годах, уже получил экстремальный опыт выживания во время экспедиции 1911 года на Подкаменную Тунгуску, завершённую уничтожающим глукую и убогую таёжную деревню Кедровку ("Всё в ней было по-своему, по-таёжному. И своя правда была — особая, и свои грехи — особые, и люди в ней были другие. Не был в ней простор: кругом лес, тайга со всех сторон нахлынула, замкнула свет, лишь маленький клочок неба оставила") вместе с её обитателями таёжным пожаром — образ, который тогда был воспринят как метафора и предвестие грядущей революции: "Русь! Веруй! Огнём очищаешься и обелишься. В слезах потонешь, но будешь вознесена". О том же — эпитафия из Второго послания апостола Петра, согласно которому небеса, "земля и все дела на ней стоят", но их сменяет "новое небо и новая земля, на которых обитает правда". Сходные мысли повторяются и в "Угрюм-реке": "Революция есть хирургическая операция. Да, кровь. Да, покаяние, насилие. Но насилие и кровь на пользу организму в целом... Революция — есть та же эволюция, мгновенно вспыхивающая, чтоб переключить сроки в сотни лет на какой-нибудь год, два..."

Не хватало ни года, ни двух, ни в конечном счёте двенадцати советских пятилеток, хотя поставленную Сталиным задачу ("Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробегать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут") решить всё-таки, ценой невероятных усилий и жертв, удалось. И даже с за-

пасом ещё на 40 лет после Победы 1945 года, с освоением "мирного атома" и преодолением земного тяготения...

ПОСЛЕДНИЕ годы жизни, совпавшие с Великой Отечественной, Вячеслав Яковлевич подтвердил, что он — настоящий патриот своей Родины. Осенью 1941 года знаменитый писатель отказался от эвакуации из Ленинграда и пережил там первую, самую тяжёлую, блокадную зиму, выступал по радио и в госпиталях, писал статьи, рассказы и книги, воодушевлявшие соотечественников на борьбу с врагом, продолжая работу над ещё одной вершиной своего творчества — неоконченным романом (сам автор чаще называл его "историческим повествованием") "Емельян Пугачёв" в трёх книгах, первая из которых увидела свет ещё в 1938-м. Обращение писателя к фигуре вождя крупнейшего крестьянского восстания XVIII века трудно назвать случайным. Он, автор романа "Ватага", изданного в 1923 году и посвящённого кровавым перипетиям Гражданской войны, хорошо понимал причины русского бунта и готов был поспорить — не только, подобно Есенину, относительно его бессмысленности, но даже относительно его беспощадности — с самим Пушки-

ным. Удостоенный в 1946 году, уже после смерти писателя, Сталинской премии I степени в области литературы и искусства, "Емельян Пугачёв" рисовал "век золотой Екатерины", эпоху побед русского оружия и расширения государства, не только с его обратной стороны, с его изнанки, но и с открытой (ведь всему своё время: "Ребёнок не может сразу подняться на гору: он прежде должен научиться ходить") только после революции и невозможной без неё исторической ретроспективы...

Тема народной правды и "души народной", которая "за себя попустит, а за другого не попустит", ярко раскрытая, при этом была автором в его историческом повествовании (как он сам признавался, по примеру "Петра Первого" А.Н. Толстого) заметно "очищена" и приближена к мифологии "народного царя", причём в её сталинском варианте "отца народов". Можно даже сказать, что творчество Вячеслава Шишкова "закончилось": от его первой, опубликованной в 1908 году, сказки "Кедр" до "Емельяна Пугачёва". С подлинным бриллиантом в этом золотом кольце — романом "Угрюм-река", по праву входящим в Алмазный фонд русской литературы.

Георгий СУДОВЦЕВ

Печатается в сокращении, полный текст — на сайте zavtra.ru

ОТЕЦ ЛЕВ ЛЕБЕДЕВ

Церковный историк

Мы продолжаем презентацию проекта "Свечки", размещённого на сайте zavtra.ru. Проект посвящён выдающимся деятелям отечественной науки, искусства и культуры, связанным с газетой "Завтра".

ЖИЗНЬ ДУХОВНАЯ — сфера, в которую современный человек заглядывает редко или вообще не заглядывает, чаще всего ограничиваясь своими чувственными: телесными и душевными (интеллект, рассудок — тоже свойство душевное), — радостями и бедами. Не говоря уже о том, чтобы решить войти в эту сферу "всем сердцем, и всею душой, и всем разумением, и всею крепостию" — то есть всем существом своим, ибо такой шаг необратим и никакого "пути назад" или же "остановки", "паузы" здесь нет и быть не может: либо "вверх", либо "вниз".

Поэтому давать какие-то оценки человеку, прошедшему свой путь духовной жизни, особенно — как священник в русской православной традиции, можно лишь памятуя о том, что это жизнь не от мира сего и даже не для мира сего, и в ней обычные меры добра и зла, должного и недоделанного дополняются и опосредуются теми, о которых человек, ТАМ не бывший, даже не имеет сколько-нибудь ясного представления. Иначе получится так, как сказано у Шота Руставели: "Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны...", — особенно если в этом бою для него нет различия "своих" и "чужих".

К жизни отца Льва Лебедева (27 июля 1935 г. — 29 апреля 1998 г.), с 1968 года — иерея Русской православной церкви, а с 1990 года — протоиерея Русской православной церкви за рубежом, применение данного принципа необходимо, возможно, в большей степени, чем в каком-либо ином случае. "Весь его долгий путь со сменой приходов, с диссидентствующими статьями в самиздатовском журнале "Вече", с последующим переходом в зарубежную церковь — весь этот путь был открытием, поиском ответа на огромный мировоззренческий вопрос: что такое Россия, почему она так травмирует человечество, что такого увидел в ней Бог, что издаёт её в непрерывные испытания и беды, а потом выхватывает из огня и вновь ставит на великий имперский путь..." — писал об отце Льве Лебедеве принявший через него таинство крещения Александр Проханов.

Сам отец Лев в известной статье, посвящённой своему переходу из Московской патриархии в РПЦЗ сообщал: "Я окончил исторический факультет Московского университета, у меня была перспективная тема дипломной работы, поддержка научного руководства, предом мной открывалась вполне реальная научная карьера... К Церкви я пришёл отнюдь не ради устройства своего земного благополучия и уж, конечно, не ради того, чтобы сознательно обманывать себя и других".

СОБОЙ ДАР отца Льва влиять на сердца человеческие, воспламеняя и освещая их огнём православной веры, свидетельствуют не только его духовные чада, но также многие читатели его книг и статей, непосредственного, живого общения с пастырем не имевшие. И это было далеко не единственный его дар. Потрясающая работоспособность, подтверждённая многолетним опытом работы в должности референта Отдела внешних сношений Русской православной церкви Московской патриархии: "Он единственный был способен за вечер и ночь срочно подготовить обстоятельный доклад для "советских патриархов" Пимена или Алексия II по любой из церковных тем". Блестящий рассказчик и проповедник, человек огромной эрудиции, чьи труды "Крещение Руси", "Москва патриаршая", "Великороссия: жизненный путь", несомненно, стали достоянием отечественной культуры... Но кому многое даётся — с того многое и спрашивается. Нередко ответы Льва Лебедева на такие вопросы выглядят сейчас ещё более шокирующими и даже неприемлемыми, чем это было при его жизни.

Примеров здесь, при желании и без особого труда, можно найти множество. Полное, всеобъемлющее отрицание советского периода нашей истории, в результате которого русский народ, по утверждению отца Льва, перестал существовать, преобразованный "сатанинской властью" в массу русскоязычных "совков"-приспособленцев, — точно так же, как якобы перестала быть телом Христовым Русская православная церковь Московского патриархата, а также предельный монархизм и в целом вся система идейно-политических взглядов Льва Лебедева после его ухода из РПЦ оказались не вполне приемлемы и для руководства РПЦЗ, вовсе не отрицавшего восстановление духовного единства с "постсоветской" православной церковью, против чего отец Лев яростно протестовал, но что произошло через 9 лет после его смерти, когда 17 мая 2007 года патриарх Московский и всея Руси Алексий II и первоиерарх РПЦЗ митрополит Лавр подписали в Храме Христа Спасителя Акт о каноническом общении двух церквей, прекращённом в 1927 году.

Нужно ли в этой связи принимать во внимание весь комплекс социально-исторических обстоятельств того периода, связанного с политическим крахом Советского Союза и казавшимся неизбежным крахом "новой России" — или же следует рассматривать утверждения отца Льва как следствие его личных, недоступных большинству духовных прозрений, суть которых сейчас только воплощаются в реальность — в том числе через конфликт на Украине и всё более явное "осатаниение" коллективного Запада, да и человечества в целом? Ответ на эти вопросы, при всём желании сказать "да" первому варианту и "нет" второму, всё-таки относится к той самой сфере духовной жизни, в которой, стоит напомнить ещё раз, свои меры пространства и времени, должного и недоделанного. Опыт отца Льва Лебедева и память о нём даже сейчас, через четверть века после его ухода из жизни, не позволяют нам ограничивать возможное только желаемым...

Владимир ВИННИКОВ